

ЗАЧЕМ АКТЕРУ БЫТЬ МИЛЛИАРДЕРОМ?

Саммел. - Санкт-Петербург - 1992 - 26 стр.

Его здесь ждали. Ждали те, кто стоя аплодировал его триумфальному Гамлету в 73-м, и те, кто полюбил его в фильмах Вайды и Гофмана, бывшими в ту пору для нас, отлученных от западного кино, желанными глотками свободы... Осенний визит Ольбрыхского в Петербург остался незамеченным, а сейчас его, казалось, встречал весь город. Неудивительно: переломив кумирами политическими, кумирами-однодневками, ощущаешь, насколько несуетней, выше, достойнее наши полузабытые экранные кумиры.

Даниэль Ольбрыхский прибыл к нам (неделю спустя после рождения внука и за неделю до собственного 47-летия) почти таким же, каким мы привыкли видеть его на экране, и в течение четырех дней покорял петербуржцев своей неспешностью, мягкостью, благородством всюду, где приходилось ему появляться. Так было и на открытии мини-фестивала его фильмов в Доме кино, и на заседании ночного актерского клуба, устроенного Гильдии киноактеров, где Ольбрыхский оказался по сути доверием к странноватому кок-

тейлю из Альтова, Говорухина, Марины Капуры, квартета «Трем» и многочисленных аукционов для скучающих бизнесменов... Так было и на экране, в открывшем неделю Ольбрыхского новом фильме Петра Шулькина «Га-га, слава героям!» — абсурдистской кинопритче, напичканной незамысловатыми гэггами, где Даниэль Ольбрыхский «согрел» нас даже сквозь холодную манекенность своей роли. Так было и в показанном заново старом добром «Березняке» Анджее Вайды, и в практически впервые увиденной многими «Невыносимой легкости бытия» Фила Кауфмана...

Ольбрыхский вернулся — и трудно как-то осознать, что почти десятилетие замечательный артист по чьей-то воле оставался для нас «персоной нон грата».

Даниэль любит вспоминать забавное начало тех событий. Стоило ему подписать несколько обращений «Солидарности» — и тут же письма от девочек из Советского Союза, которые еще вчера он получал сотнями, вдруг резко перестали

приходить. «Ага, значит, кто-то так решил. Гениальная организованная деструкция...» Ольбрыхский продолжал работать в театре, снимался за рубежом, ждал весны в своей стране... Как и многие, до сих пор благодарен нашей «перестройке» и ее лидеру.

— Когда в 88-м году я по приглашению Элема Климова приехал в Москву на «Интерфест», вышел на сцену — я увидел, что меня, оказывается, не забыли, что любовь запретить нельзя. Актер не существует, не живет, если никто не хочет на него смотреть, никто ему письма не пишет, не просит автограф, не говорит спасибо... Актер может гордиться своей профессией, только если он знает, что его любят.

— Письма-то от наших девочек возобновились?

— Да, но теперь их меньше. Это раньше я был невероятно популярен в Союзе. А сегодня молодежь смотрит не польские фильмы, а французские, немецкие... Шварценеггер — вот их герой. И у вас, и в Польше.

ОЛЬБРЫХСКИЙ подобно

многим иностранцам по-прежнему предпочитает говорить «Союз», а не «Россия», «Ленинград», а не «Санкт-Петербург». «Мне так привычнее, легче. В этом нет никакого политического смысла...» Вообще политикой Ольбрыхский, по его признанию, предпочитает не заниматься, не состоит ни в одной из сорока польских политических партий, однако разговор наш постоянно выходил на эту тему.

— Сорок лет социализма, а у вас даже все семьдесят, — это как рак!.. Даже Валенса, наш герой, который всегда был против коммунизма, — он тоже внутренне не любит людей, которые зарабатывают деньги. Хочет им помочь, но своей налоговой политикой делает все, чтобы их уничтожить. А сегодня я смотрю на политический цирк в Польше и вижу, что Шекспир все-таки прав: власть — это болезнь. Она есть у всех импотентов. Вместо того чтобы зарабатывать деньги или на худой конец быть вором — это тоже сложная профессия — они строят планы, как нам всем разбогатеть... Один из ста политиков, может быть, умный,

остальные — тайные импотенты...

«В общем, — резюмирует Даниэль, — счастье, что у меня такая профессия. Актер не говорит о политике. Он говорит о любви — это намного выше, чем политика».

Я поинтересовался у Даниэля, насколько изменилось его материальное положение в последнее время.

— Когда я был самым известным польским актером, — вспоминает Ольбрыхский, — я зарабатывал столько, чтобы чуть-чуть пережить завтрашний день. Первую машину я купил после пяти съемочных дней в Италии, но вскоре должен был продать ее, чтобы при разводе заплатить нужную сумму моей бывшей жене, Марыле Родович. Начал сниматься в кино на Западе слишком поздно, в 30—35 лет. Уже появились Роберт де Ниро, Жерар Депардьё. А когда мне было 25, то таких актеров, как я, в Европе не было. Если б я решил тогда остаться на Западе, я бы играл самые крупные роли. Но я хотел жить в Польше, играл там Гамлета, Кми- (ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.)

ЗАЧЕМ АКТЕРУ БЫТЬ МИЛЛИАРДЕРОМ?

(ОКОНЧАНИЕ.
НАЧАЛО НА 1-й СТР.)

тица за маленькие польские деньги. И, в общем, не жалею.

А потом стали приходить деньги огромные — почти сто тысяч долларов за фильм. Возвращаясь в Польшу, я не знал, что с этими деньгами делать. Мне было стыдно — все стояли в очередях за хлебом, грустные, голодные — а я ездил на «Мерседесе». Конечно, я учреждал призы для молодых актеров — об этом еще широко писала коммунистическая пресса. А когда пришел свободный рынок — я обнаружил, что я не самый богатый. Есть гораздо богаче. И это нормально. Зачем актеру быть миллиардером?

— Ну а среднему актеру в Польше, наверное, сейчас не сладко, как и у нас?

— Гораздо хуже, чем среднему крестьянину. «Звезд» в Польше очень мало — таких,

как Беата Тышкевич, Кристина Янда, как я, а из молодых Збигнев Замаховский... Ну а остальные — как в Париже, как в Америке. Никто им ничего не может гарантировать. Я считаю, что театр переживает хорошее время. Но девяносто процентов польских актеров с этим не согласны, все они кричат, что свободный рынок для театра — это неправильно... Ну если в этот театр никто не ходит, то нельзя его поддерживать на те деньги, которые нужны для больницы, для помощи самым бедным... Я даже написал по этому поводу своим коллегам открытое письмо...

— Даниэль, я слышал, что в прошлый свой приезд вы снимались у нас в фильме «Смерть от любви» и не получили положенных по контракту денег?

— Получил, две недели назад. Но не все. Я думаю, что продюсер Марк Рудинштейн и

режиссер Валерий Харченко не виноваты — их просто подвели. Но дело не в деньгах, дело в принципе. Я хочу, чтобы все мои друзья, которые захотят работать в этой стране, знали, что закон есть закон. Я профессионал и считаю, что надо отвечать за все, что написано в контракте.

— Но это не значит, надеюсь, что от новых предложений с нашей стороны вы воздержитесь? — поинтересовался я напоследок.

— О, нет... Ваш кинематограф мне очень близок. Гораздо ближе, чем, например, французский. Позавчера я видел фильм Рязанова «Небеса обетованные». Я не все понял, но, выходя из зала, сказал себе: «Вот человек, гениальный артист, закричал то, что у него на сердце! Это самое банальное, мы все этого хотим, но почему не делаем?..»

Максим МАКСИМОВ